

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Спасение Фатимы, стр. 2

Когда карлик исчез, трое людей, приведших Мустафу, подвели его к хозяину шатра, который успел между тем улечься на подушки.

– Вот тот, кого ты нам повелел поймать.

Атаман долго смотрел на пленника и наконец заговорил:

– Зулиэйкский паша, собственная совесть подскажет тебе, почему ты стоишь перед Орбазаном! – Услышав это, брат мой упал на колени, вскричав:

– О господин! Ты, по–видимому, впал в заблуждение, я несчастный горемыка, а не паша, которого ты ищешь! – Все присутствующие были удивлены подобной речью. А хозяин шатра сказал:

– К чему отпираться, я сейчас призову сюда людей, которые хорошо тебя знают. – И он приказал при вести Зулейму. В шатер ввели старуху, которая на вопрос, признает ли она в моем брате зулиэйкского пашу, отвечала:

– Конечно! Клянусь гробницей пророка, что это и есть не кто иной, как паша.

– Видишь, презренный человек, как твоя хитрость пошла прахом? – гневно начал атаман. – Я не стану марать свой кинжал в крови такой мрази, как ты: я привяжу тебя к хвосту коня завтра, когда взойдет солнце, и буду скакать с тобой по лесам, пока солнце не скроется за холмами Зулиэйки!

Тут бедный мой брат совсем пал духом.

– Значит, проклятие жестокого отца обрекает меня на позорную смерть! – со слезами воскликнул он. – Теперь погибла и ты, возлюбленная сестра, и ты, Зораида, тоже!

– Притворство тебе не поможет, – сказал один из разбойников, связывая ему за спиной руки, – проваливай из шатра, а то атаман закусил уже губы и поглядывает на свой кинжал. Выходи скорее, если хочешь прожить еще хоть ночь.

Только разбойники собрались увести моего брата из шатра, как столкнулись с тремя другими, которые гнали перед собой пленника. Они вошли с ним в шатер.

– Мы привели пашу, как ты приказал, – сказали они и потащили пленника к ложу атамана. В то время как пленника тащили, мой брат успел его разглядеть и заметить сходство этого человека с собою, – только тот был смуглее лицом и борода у него была темнее.

Атаман, по–видимому, очень удивился появлению второго пленника.

– Кто же из вас настоящий? – спросил он, переводя взгляд с моего брата на того.

– Если ты подразумеваешь пашу из Зулиэйки, – горделиво отвечал пленник, – так это я!

Атаман долго смотрел на него строгим и мрачным взглядом, затем молча подал знак увести его. После этого он приблизился к моему брату, разрезал своим кинжалом связывавшие его путы и жестом пригласил его сесть рядом с собой на подушки.

– Я сожалею, чужеземец, что принял тебя за то чудовище, – сказал он, – но припиши неисповедимой воле неба случай, отдавший тебя в руки моих братьев именно в час, назначенный для гибели того нечестивца!

Тут мой брат попросил оказать ему единственную милость и позволить немедленно продолжать путь, ибо всякая отсрочка может стать для него пагубной. Атаман осведомился, что за спешное у него дело, и, когда Мустафа все рассказал, убедил брата провести эту ночь тут в шатре, ибо и Мустафа, и его конь нуждаются в отдыхе; а назавтра он сам покажет ему дорогу, по которой в полтора дня можно доскакать до Бальсоры. Брат мой согласился и мирно проспал до утра в шатре радушного разбойника.

Проснувшись, он увидел, что, кроме него, в шатре никого нет, но перед завесой шатра он услышал голоса, которые, по–видимому, принадлежали хозяину шатра и темнолицему человечку. Он прислушался и, к своему ужасу, уловил, что карлик настойчиво уговаривает атамана убить чужеземца, ибо, если отпустить его на волю, он выдаст их всех.

Мустафа понял, что карлик питает к нему злобу как к виновнику вчерашней взбучки; атаман, видимо, размышлял несколько мгновений.

– Нет, – ответил он, – он мой гость, а гостеприимство свято для меня, да и, на мой взгляд, он не из тех, что способны выдать.

Сказав это, он откинул занавеску и вошел.

– Мир тебе, Мустафа, – произнес он, – подкрепимся сперва утренняящим напитком, а затем собирайся в путь.

Он протянул моему брату чашу с шербетом; выпив, они взнуздали коней, и надо сказать, что Мустафа вскочил на коня с более легким сердцем, чем приехал сюда. Вскоре шатры остались позади, и они свернули на широкую тропу, ведущую к лесу. Атаман рассказал моему брату, что паша, когда они захватили его на охоте, обещал не преследовать их в своей стране; но несколько недель тому назад он поймал одного из самых храбрых их товарищей и, после жесточайших пыток, велел его повесить. Они долго выслеживали его, и вот сегодня он будет казнен. Мустафа не осмелился возражать, радуясь, что ему самому удалось спастись.

При выезде из леса атаман придержал своего коня, объяснил моему брату дорогу, протянул ему на прощанье руку и сказал:

– Мустафа, ты чудесным случаем оказался гостем разбойника Орбазана; я не стану просить тебя не выдавать того, что ты видел и слышал. Ты незаслуженно испытал страх смерти, и я у тебя в долгу. Возьми на память этот кинжал; когда будешь нуждаться в помощи, пришли мне его, и я поспешу к тебе на выручку. Кошелек же этот может тебе пригодиться в пути.

Мой брат поблагодарил его за великодушие, взял кинжал, а от кошелька отказался. Но Орбазан пожал ему еще раз руку, бросил кошелек наземь и, как вихрь, умчался в лес. Когда Мустафа убедился, что его все равно не нагнать, он слез с коня, поднял кошелек и даже испугался щедрости своего гостеприимного хозяина, ибо в кошельке оказалось очень много золота. Возблагодарив Аллаха за спасение, он поручил благородного разбойника его милосердию и бодро продолжал свой путь в Бальсору.

Леза умолк и вопросительно взглянул на Ахмета, старшего из купцов.

– Ну, если это так, я охотно изменю свое мнение об Орбазане, ибо что правда, то правда: с твоим братом он поступил хорошо.

– Он поступил как истый мусульманин! – воскликнул Мулей. – Но я надеюсь, что ты на этом своего рассказа не кончишь, ибо всем нам, надо думать, любопытно узнать, что произошло дальше с твоим братом и освободил ли он твою сестру Фатиму и прекрасную Зораиду.

– Если вам не наскучило слушать, я охотно расскажу, что было дальше, – ответил Леза, – ибо история моего брата в самом деле изобилует чудесными приключениями.

В полдень седьмого дня пути Мустафа въехал в ворота Бальсоры. Остановившись в ближайшем караван–сараяе, он спросил, когда открывается невольничий рынок, который бывает здесь ежегодно. Но, о, ужас! – в ответ он услышал, что опоздал на два дня. При этом ему еще сказали, что он много потерял, ибо в самый последний день торго привезли двух невольниц такой поразительной красоты, что они привлекли к себе взоры всех покупателей. Люди прямо дрались за них и набили такую высокую цену, какая не отпугнула только их теперешнего хозяина. Он подробно расспросил об этих невольницах, и у него не осталось сомнения, что это и были бедняжки, которых он искал. Он узнал также, что человек, купивший их обеих, живет в сорока часах езды от Бальсоры и зовется Тиули–Кос; человек этот знатный, богатый, но уже пожилой, раньше он был капудан–пашой султана, а теперь удалился на покой с накопленными богатствами.

[Назад](#) << [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) >> [Дальше](#)